

Нефедов Михаил

Мерцания

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Н.**
Мерцания / Нефедов Михаил – М.: Книга по Требованию, 2025. – 104 с.

ISBN 978-5-519-99332-6

ISBN 978-5-519-99332-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Какая нудная тоска!..
Какъ жутко, страшно въ тишинѣ,
И мысль плыветъ издалека
И таетъ въ гаснущемъ огнѣ.
Какъ грустно мнѣ! какъ больно мнѣ!..

Тамъ осень плачетъ за стѣной,
Тамъ садъ въ молчаньи одинокомъ
Одѣтый непроглядной тьмой
Спитъ сномъ таинственно-глубокимъ
И плачетъ желтою листвою.

Темно... Темно... О, Боже мой!
Здѣсь все одно,—такъ прежде было —
Мой милый край прими — я твой —
Душа спала—не разлюбила
Твой мертвый дѣвственный покой!..

И этотъ сонъ дворовъ понурыхъ
И ночи этой темноту,
Улыбку, смѣхъ на лицахъ хмурыхъ,
Полей нѣмую пустоту...
Къ тебѣ прильну я въ изступленьи

На грудь, родимая земля.—
Примите скорби излученье
Мои туманные поля!
Одинъ, одинъ я въ тишинѣ..
О, дѣтство, я тобой овѣянъ...
Какъ грустно мнѣ! какъ больно мнѣ!

* * *

Слякоть, холодъ, вѣтеръ всетъ
Лѣсъ туманный вдаль,
Кто-то хмурый небо кроетъ,
Пусто въ нашемъ уголкѣ.

Слякоть, холодъ. Сердце сжато,
Звонъ пасхальный слабъ и глухъ.
Ты не та, родная хата,
Все не то на взглядъ и слухъ.

Солнца нѣтъ, ни дали ясной, —
Темны, сумрачны поля...
Дѣтство! дѣтство! сонъ прекрасный,
Здѣсь тобой сгораю я!

* * *

Тамъ тихо, въ сонномъ полумракѣ
Средь вѣковѣчно спящихъ хатъ
Средь луга, какъ на бивуакѣ
Они про нужды говорятъ.

Жаръ солнца спалъ. Лаская тѣнью
Весенній вечеръ ихъ живить
Рѣзушка юная сиреню
Наивно съ юношей шалить.

Звѣздъ розсыпь въ куполѣ небесъ
Улыбкой трепетною рдѣть
Одѣтый свѣтлымъ блескомъ лѣсъ
Мечтою жгучею лелѣть

Давно тамъ въ шопотъ ручья
Въ полузабытѣи, въ изступленьи
Искалъ я кроткое дитя
Часы молитвъ, самозабвенья

ДѢТСТВО.

Всегда, какъ приракъ неотвязный,
Оно встаетъ передо мной,
Вечерній плескъ ручья, несвязанный
И дѣтскій лепетъ молодой

Подругъ, товарищей безпечныхъ,
Молитвъ наивныхъ слова...
И голубыхъ и безконечныхъ
Небесъ святая синева...

Н И В А.

Эта ли нива, что золотомъ рдѣтъ
Лѣтней порою, подъ солнечный блескъ?
Эта ли нива, что пахарь лелѣтъ,
Столько впитавшая пота и слезъ?

Тихо ковыль, колыхаясь, лепечетъ,
Гордо, какъ сторожъ, стоитъ лебедь,
Жалобно ласточка въ небѣ щебечетъ;
Бѣдный хозяинъ, почилъ отъ труда.---

Да, покоряясь судьбы повелѣнью,
Долго работалъ, что въ силахъ, что могъ..
Вѣрилъ—боролся, искалъ избавленья,
Тяжко страдая, въ борьбѣ изнемогъ.—

Эта ли нива, что золотомъ рдѣтъ
Лѣтней порою, подъ солнечный блескъ.
Эта ли нива, что пахарь лелѣтъ,
Столько впитавшая, пота и слезъ...

Грудь разрывается. Въ сердцѣ тамъ что-то клокочетъ.
Мозгъ догораетъ на жаркомъ огнѣ,
Слышится, кто-то злорадно хохочетъ...
Боже, то камень проклятья на мнѣ!

Вѣрить... О, вѣрить, твердить затаенное чувство,
Вѣрить, молиться, какъ въ дѣтствѣ опять...
Въ жадномъ порывѣ молитва—искусство
Грезъ улетѣвшихъ, увы, не догнать...

* * *

Отдайте мнѣ дикость и волю мою
И темной избушки худой уголокъ,
Гдѣ робко я первую пѣсню свою
Слагалъ, отдыхая въ тиши, одинокъ,

Гдѣ юность сжигали немолчные сны,
Гдѣ слушалъ я трепеть разцвѣтшей весны,
И первыя слезы гдѣ пролиты мной,
Закрытыя милой святой тишиной.

Я здѣсь опять, я снова твой,
Мой милый уголокъ.
Я гдѣ-то былъ, я сталъ другой,—
Но такъ-же одинокъ.

Улыбки нѣтъ, морщинъ за то —
Ихъ много, цѣлый рядъ.
И тайнъ не вынаетъ никто,
Что носить хмурый взглядъ...

О пусть, о пусть, что здѣсь темно,
Пусть осень слезы льетъ,
Пускай открытое окно,
Бѣснуясь, вѣтеръ рветъ,

Ты все же милъ, мой уголокъ.
Въ оправѣ хмурыхъ стѣнъ.
Я снова твой, путь былъ далекъ,—
Блаженъ твой хмурый плѣнь

Такъ грустно. Ропщетъ духъ мятежный,
Разсудокъ жаждетъ божества,
И въ мысли пламенной, безбрежной
Сгораетъ похоть естества,

И въ даль забытую, глухую
Туда, гдѣ рабъ я—не поэтъ,—
Я рвусь, бѣснущая, тоскуя,
Возвечь померкнувшій разсвѣтъ.

Я знаю, что моихъ мученій
Тамъ чуждъ безжизненный покой..
О, еслибъ дѣтства ясный геній
Тамъ взылся снова надъ мисей!!

Онѣ передо мной. Малютка въ сладкой нѣгѣ,
Съ улыбкой въ полуснѣ на грудь прильнула къ ней.
Какое счастье! Какъ много въ ихъ ночлегѣ
Чего-то скрытаго за гордостью моей.

Что я любилъ, любилъ до опьяненья
Что заполняло дни въ забытой тишинѣ,
Когда въ кругу полей огнемъ самосожженья
Горѣла жизнь, истлѣвшая въ огнѣ...
